

Раньше, когда он видел это с открытыми глазами, Бай Кэ думал, что его зрение постепенно возвращается к норме. Но теперь, видя это с закрытыми глазами, он понял, что все не так просто.

Даже люди с идеальным зрением не могут видеть такие четкие изображения с закрытыми глазами, максимум — ощущать свет.

Через несколько секунд он обнаружил нечто еще более удивительное — он мог видеть не только людей, но и очертания предметов вокруг. Хотя они были гораздо менее четкими и более тусклыми, почти сливаясь с черным фоном.

Но какая разница?!

Это никак не отражалось на его эмоциях — он мог видеть!

Неважно, насколько необычным был этот способ, но он мог видеть!

«Если с закрытыми глазами он может видеть так много, то что будет, если открыть глаза?»

В то время Бай Кэ, охваченный сложной смесью радости, тревоги и ожидания, осторожно приоткрыл глаза.

И правда! Все люди и предметы стали на порядок четче, чем с закрытыми глазами. Но — изменилось не только это.

Бай Кэ с широко распахнутыми глазами смотрел на двух бесстрастных людей, внезапно возникших в палате, и на рассыпанные вокруг непонятные светящиеся точки, не зная, как реагировать.

В то время Цзунцзы уже выбежал звать медсестру, а тетушка Пан подошла к двери палаты, чтобы встретить их. Никто не заметил, что Бай Кэ открыл глаза и выглядел крайне удивленным.

Молодая медсестра вошла первой, говоря:

— Врач сейчас подойдет.

Она подошла к кровати Бай Кэ, наклонилась... а затем, словно увидев что-то ужасное, резко вскрикнула и отшатнулась на два шага назад. Идущие следом тетушка Пан и Цзунцзы поспешили поддержать медсестру и сделали шаг вперед, взглянув на лежащего в кровати Бай Кэ.

Затем началась суматоха... Настолько сильная, что спустя годы Бай Кэ уже не мог вспомнить, что именно происходило.

Он лишь помнил, как перепуганная медсестра вела себя как безумная, пытаясь выбежать из палаты и крича что-то вроде:

— Глаза... монстр...

А невысокий Цзунцзы буквально подпрыгнул, метнулся к двери, закрыл ее и помог тетушке Пан удержать вырывающуюся медсестру.

Пока Бай Кэ смотрел на этот хаос, не зная, что делать, тетушка Пан повернулась к нему и

сказала:

— Закрой глаза, Сяо Кэ! Закрой глаза скорее!

Из-за слепоты Бай Кэ с детства испытывал нехватку чувства безопасности, и людей, которым он доверял полностью, можно было пересчитать по пальцам. Тетушка Пан была одной из них. Он почти мгновенно закрыл глаза, услышав ее слова. И тогда все вокруг вернулось к тому, что он видел сразу после пробуждения — два бесстрастных человека, стоявших в палате, бесшумно исчезли, как и появились.

Бай Кэ не помнил, что именно тетушка Пан и Цзунцзы говорили той медсестре, но в тот же день, когда она снова вошла в палату, ее тон был спокойным и дружелюбным, совсем не таким, как утром. Тетушка Пан и Цзунцзы тоже быстро пришли в себя, лишь задали Бай Кэ несколько вопросов.

Бай Кэ рассказал им об изменениях в своем зрении за последние годы, но умолчал о двух бесстрастных людях.

Этот инцидент был подобен камню, брошенному в воду — после нескольких кругов на поверхности все успокоилось. Тетушка Пан и Цзунцзы, ставшие свидетелями всего произошедшего, после этого относились к Бай Кэ как обычно, лишь изредка спрашивая о его глазах, когда оставались наедине.

Но с тех пор Бай Кэ больше никогда не открывал глаза при людях.

Однако это не значит, что он не открывал их, когда оставался один. В последующие два-три года Бай Кэ часто открывал глаза, когда оставался один или на него никто не обращал внимания. И тогда он видел совершенно другой мир.

Очертания неодушевленных предметов были тусклыми, но ярче, чем с закрытыми глазами. Все живые существа, включая людей, светились по-разному. Например, тетушка Пан, Цзунцзы и несколько ее друзей были заметно ярче окружающих, их очертания были четкими, и даже можно было разглядеть черты лица. Его сумасшедший отец, Бай Цзысюй, был намного тусклее, но все же чуть ярче большинства людей. Бай Кэ также видел некоторых, похожих на Бай Цзысюя, но большинство людей были лишь слабыми очертаниями, тусклее старых деревьев, но ярче столов и стульев.

Но помимо этого, Бай Кэ видел еще одну особую категорию.

Как и тетушка Пан, у них были слабо выраженные черты лица, и у некоторых Бай Кэ даже мог различать выражение лица. Но они были гораздо тусклее, чем большинство, почти как те двое в больнице.

Сначала Бай Кэ просто считал их особенными, не понимая, кто они такие. С возрастом, услышав множество историй, он начал догадываться, пока однажды не увидел у подъезда соседнего дома бабушку Чэнь, которая умерла два дня назад. Она смотрела на него пустыми глазами, затем подняла дрожащую руку и поманила его:

— Сяо Кэ, иди сюда, к бабушке Чэнь, бабушке надо тебе кое-что сказать...

Он немного помедлил, но все же шагнул к ней. Едва он подошел и наклонился, как услышал глухой звук вдыхаемого воздуха, а затем бабушка Чэнь прямо у него на глазах, с лицом, искаженным от боли до неузнаваемости, словно была кем-то разбита и раздроблена,

обратилась в бесчисленные пепельные хлопья и исчезла. Это зрелище преследовало его в кошмарах много дней.

С тех пор и до сегодняшнего дня, на протяжении почти трех-четырёх лет, Бай Кэ редко открывал глаза, даже когда оставался один или когда на него никто не смотрел.

Строго говоря, то, что Бай Кэ называл «зрением», не было нормальным зрением, так как оно не зависело от освещённости. Независимо от времени суток или погоды, он всегда видел лишь очертания людей и предметов на черном фоне.

Он сам не мог понять, что именно он видит — души? Или что-то подобное?

Но точно можно сказать, что люди и предметы почти не менялись. Никогда не бывало, чтобы сегодня что-то было едва различимо, а на следующий день становилось настолько четким, что можно было разглядеть каждую деталь. И наоборот.

Даже Бай Цзысюй, самый нестабильный из всех, лишь слегка менял яркость в зависимости от степени своего безумия. Большинство людей и предметов оставались на одном уровне яркости годами.

Но сегодня, когда Бай Кэ нес Бай Цзысюя на спине и остановился перед темной лестницей, он почувствовал нечто необычное.

Обычно, даже с закрытыми глазами, Бай Кэ видел очертания перил лестницы, слабые и размытые, но достаточно яркие, чтобы он мог уверенно подниматься. За годы ничего не изменилось, и даже когда он спешно спускался, все было как всегда.

Но сейчас, войдя в подъезд, Бай Кэ постоял немного, сосредоточившись, но перед ним была лишь крошечная тьма. Если бы не слабый свет, исходящий от него самого и от рук Бай Цзысюя на его шее, он бы подумал, что снова ослеп.

Бай Кэ впервые в жизни позавидовал фонарику. Но, к сожалению, он сам не был фонариком, а его ненадежный отец не был Сунь Укуном, и их неестественное свечение не могло осветить лестницу.

Поэтому, постояв некоторое время и не заметив никаких изменений, Бай Кэ с некоторым безразличием открыл глаза.

На самом деле, Бай Кэ не так уж сильно противился открывать глаза. Хотя бабушка Чэнь в свое время сильно напугала его, за эти годы это воспоминание потускнело. Просто в обычной жизни Бай Кэ мог справляться с закрытыми глазами и редко сталкивался с ситуациями, когда вокруг была полная тьма. Поэтому он и не открывал их, чтобы не усложнять себе жизнь.

Но сегодня было исключение.

<http://bllate.org/book/16844/1549786>